

“Тринадцать” (2011)

Алиса Ганиева

Dit is het **hele** verhaal.

Тринадцать

Дотарахтев до укрепленного тяжелыми мешками дорожного поста, где толпились шашлычники и лоточники с надувными морскими матрацами, «газель» свернула с трассы и резво двинулась в горы. Минут через тридцать никчемные пейзажи сменились белыми сланцевыми громадами, а за окнами разлилось бездонное небо. Где-то внизу, в метрах ста пятидесяти под петляющей дорогой, серебрилась мелкая речка и копали гравий крошечные экскаваторы.

Подле серьезного, загорелого до черноты водителя сидел немного упитанный, средних лет человек в белой рубашке и с черным кожаным портфелем в руках, сосредоточенно смотревший в отсвечивающий сентябрьским солнцем экран коммуникатора. В салоне ехали интеллигентного вида пожилой мужчина с беззащитной улыбкой, краснощекая полная женщина с дочерью, скромно скрестившей на коленях натруженные руки, молодой человек в странных шароварах, сопровождавший молчаливую старуху, видимо, приходящуюся ему бабушкой, угрюмый и небритый бородач, две женщины – одна в очках и сереньком пиджаке, вторая в роскошном платье для церемоний, – а также бровастый пассажир в тубетейке, молодая девушка с искусственными ресницами и крепкий рыжеволосый юноша в красной, нахально вздернутой кепке.

Они миновали вьющийся над живописной пропастью серпантин, раздольную, засеянную сизой капустой долину, крупное селение с опрятными, частично недостроенными домами, пестрыми продуктовыми лавочками, связками горской колбасы в витринах и стоящими вдоль трассы полицейскими в толстых бронезиленках. Потом снова пошли подъемы и спуски, дрожащие изгибы каменистых склонов и заправочные станции с молельными домиками и большими надписями «Алхамдуллилах».

Женщина в платье для церемоний рассказывала соседке, как начальник ее супруга перед повышением публично отрекся от собственного сына, известного в лесу под кличкой Фантомас. Соседка поправляла очки и вздыхала, глядя на красные блики, игравшие в верхушках проносившихся мимо скал.

Минуя кладбище, водитель приглушил медоточивый шансон, и некоторые зашептали молитвы, омыли задранными ладонями лица. Через мгновение музыка заиграла снова, и они въехали в попутное село.

– Чё ты, дай-да, э-э-э, – тянул рыжий, склоняясь к отворачивавшейся от него девушке с нарастившими ресницами, – ниче же не станет...

– Зачем? Нету у меня номера.

– Дай-да, чё ты меня кружишь? Я же с тобой нормально разговариваю!

– Отстань от меня! – грубо отрезала девушка, оправляя модный, с низким вырезом топ.

Рыжий налился краской:

– Ё, ты чё щас сказала? Ты чё обостряешь?

– Я не обостряю.

– Батрачишься ты! Вообще пробитая!

Краснощекая женщина обернулась к рыжему и выругалась на своем.

– Сиди в углу, не приставай к девочке! – добавила она, возмущенно оглядывая парочку.

– Я щас с ней местами поменяюсь.

– Вы сюда не влезете, тетя, – беззлобно засмеялся рыжий, допивая «Рычал-су» и швыряя пустую бутылку в окно «газели».

Они подъезжали к базару Хаджал-махи, откуда уже слышались музыка, хохот торговков и сигналы автомобильных гудков. Мужчина, отличавшийся беззащитной улыбкой, высунул голову из окна и с сердечным любопытством рассматривал хлопочущих вдоль трассы сельчан и украшенные лентами машины какого-то свадебного кортежа.

Село было сравнительно молодым и насчитывало не более пяти веков существования. Когда края эти были разорены Тамерланом, овдовевшие и лишившиеся крова горянки были вынуждены ютиться с детьми в окрестных пещерах, до тех пор пока цудахарец по имени Хужа не выстроил отсенок, который и дал начало Хаджал-махи. Во время Кавказской войны здесь появилось русское укрепление, и хаджалмахинцам пришлось все время метаться меж восставшими горцами и императорскими наместниками. Их жгли, истребляли и обирали попеременно царские войска и непокорные мюриды. А после того, как плененный уже Шамиль остановился здесь на пути из Гуниба и совершил обеденный намаз в сохранившейся до сих пор мечети, война закончилась и хаджалмахинцы лишились многих личных и общественных земель, обросли податями и возроптали. Вспыхнуло восстание, длившееся четыре месяца, а после его подавления главные участники были повешены, а остальные сосланы на каторгу.

После 1917-го село разделилось на четыре группы. Одни поддерживали красных, другие – деникинцев, третьи – мусульманское движение Гоцинского, четвертые – подобранных сюда турок. Из-за этой неразберихи и пяти-шести провокаторов несколько красноармейцев из тех, кому разрешено было беспрепятственно пройти через село в сторону Гунибской крепости, были застрелены. Это побудило красных тут же устроить карательную акцию и перебить почти всех мужчин-хаджалмахинцев, так что многие после этих событий эмигрировали за границу и больше не возвращались.

Восторжествовавшие советы были щедры на посулы, поддерживали на первых порах шариатский суд и, страшась волнений, даже отстроили в Хаджал-махи новую мечеть. Но позже гайки были закручены, а муталимы и богословы репрессированы. На этом злоключения жителей бывшего вольного Дарго не закончились. В годы застоя хаджалмахинские старшеклассники, шутя, выкрасили голову гипсовому Ленину масляной краской. Приехали проверяющие с требованием выдать преступников. Хаджалмахинцы ушли в отказ. Но когда прозвучала угроза всех без исключения

сельчан выслать в Сибирь, сход посоветовался на годекане и уступил. Напроказивших юношей увели под конвоем.

«Газель» остановилась посреди села, прямо у лотков с осенними фруктами, а пассажиры высыпали наружу. На обочине томилось несколько таких же маршруток, выкрашенных в палево-желтый цвет. Водители их, стоявшие полукругом, немедленно поприветствовали новоприбывшего загорелого коллегу. Краснощекая с дочерью уже ходили меж пестрых рядов, а серенькая в очках рассказывала молодому человеку в шароварах о строительстве здешней старой соборной мечети:

– Вы представляете, камни привозили из Акуша на ослах. Чтобы выложить один ряд камней по периметру, у них уходил целый год!

Шароваристый кивал, глядя то в бирюзовое небо, то на свою старуху, щупавшую округлые медные дыни. Остальные сгнули в толчее и шуме Хаджал-махи. Бровастый в тюбетейке схватил пустую пластиковую бутылку и побежал к роднику, мужчина с кожаной папкой скрылся за строящимся домом, припадая ухом к коммуникатору и что-то быстро восклицая, а небритый бородач просто растворился в теплом воздухе. На крыше строящегося дома человек в рабочей рубашке и с железным забралом на лице склонился над брызжущим искрами, шипящим сварочным аппаратом. Где-то в доме громыхали металлические листы, а за базаром, в спускающихся к реке дворах, куда только что проследовал свадебный поезд, громко звучала лезгинка. Только рыжеволосый не выходил из «газели», выглядывая из окна и склабясь на общую суету.

Спустя минут десять пассажиры начали возвращаться на свои сиденья и, забив под кресла пакеты со свежими фруктами, тронулись дальше. Водитель, освежившийся дешевой сигаретой, водой и шутками с коллегами, ковырялся в магнитофоне.

– До часу доедем? – спрашивал его мужчина с папкой.

– Конечно.

Он хмыкнул, вспомнив, как много пришлось отстегнуть постовому.

«Газель» двигалась в сторону поросшего хвоей Хуппинского перевала, за которым кончались даргинские села и начиналась высокогорная Авария. Пахло боярышником, зверобоем, чабрецом и полынью. Женщина в праздничном платье тихо пересчитывала деньги в своем кошельке, девушка, пересевшая на другое место, дремала, опустив приклеенные ресницы, старуха шептала что-то юноше в шароварах, а тот улыбался.

«Может, надо было самому отдать бумаги Халилбеку? – думал тот, что с папкой, прокручивая список контактов в своем коммуникаторе. – Нет, меня бы он с прошением не принял. Все правильно. Отдал через Хизриева, а Хизриев пускай сам разбирается, они родственники...»

Пожилой спрятал беззащитную улыбку, глядя задумчиво на наступающие с обочин сосны. Он представлял, как остановится в райцентре у своего кунака, разопьет с ним сухого вина, а на следующий день поедет в свое маленькое сельцо, к затаившемуся во влажной зелени дому на теневой стороне горы, откроет калитку из старой кроватной спинки, спустится в сад и там, под грецким орехом, сыграет с соседом в нарды.

Бородач прижимался лбом к пропыленному стеклу, пытаясь вырваться из мыслей-ловушек. «Отвезти лекарства, а потом вернуться и никому не говорить. Все равно узнают... Участковый начнет докапываться. Они Алишку инвалидом сделали и меня сделают... Нет, нужно передать лекарства, а потом самому тоже из дома убежать... Нет, нельзя. Сейчас к дяде Осману схожу, может, он знает, куда меня устроить... Или не идти? Дядя Осман просто так ничего не делает. И если пойду, тогда Абдулла скажет, это куфр...»

«На сватовство Айшаткиного сына подарок я взяла, Пате подарок взяла... Вая-я-я-я, нужно еще Заире соболезнование выразить, я же ее с тех пор не видела...» – крутилось в голове у женщины в платье для церемоний, а соседка ее думала: « Попрошу Русика сына отвести меня на башню. Сколько лет приезжаю, а на башне не была. Надо будет сфотографировать, показать Мураду Мурадовичу. Вдруг она и вправду из церковных камней сложена...»

Сузившаяся дорога пронзительно пахла озоном, шишками и растревоженным бабьим летом. Наперерез «газели» метнулся маленький заяц, где-то невнятно залопотала невидимая птица. Дочка краснощекой застенчиво улыбалась в кулак.

Вот-вот с преодоленной ими вершины должна была открыться изрезанная трещинами и пещерами, покрытая вздутиями, холмами и речушками гергебельская котловина. «Газель» повернула по серпантину, и ехавшие внезапно увидели, как прямо навстречу из-за скалистого гребня на них летит большой грузовик. Раздался женский визг, водитель вцепился в руль, уворачиваясь от столкновения, истошно загудели гудки. Девушка с ресницами упала лицом в колени, пассажир в тубетейке громко воззвал к Аллаху, а «газель», оторвавшись шинами от земли, как будто уже летела в бездну.

– Вахи, вахи, – зашептала старуха, ощущая, как тело ее лишается тяжести.

– А-а-а-а-а-а-а-а-а! – заныли нестройные голоса.

– Ты молодец! Валлах, молодец! – вдруг начал вскрикивать человек с папкой, хлопая побелевшего, несмотря на загар, водителя по плечу.

Девушка подняла раскрасневшееся лицо, переполняясь ужасом. Дорога была пуста. Грузовик пронесся мимо и счастливо исчез из виду.

– Мы разминулись! А я думала, уже в пропасть летим, – шептала серенькая, поправляя очки крупно дрожащими руками.

– Саул! Саул! Красавчик, – повторял рыжий в красной кепке.

Они теперь ехали неторопливо, как будто нащупывая путь в образовавшейся тусклости. Небо из бирюзового медленно превращалось в стальное, а котловину заволакивало туманом. Водитель, еще не оправившийся от случившегося, осторожно следил за змеящейся разметкой, готовился к спуску.

– Куда он смотрел! Этот абдал* в грузовике! И хоть бы остановился! Вабабай-вададай!
– возмущалась краснощекая. – Проехал мимо, всех перепугал и за поворотом пропал...

*абдал = дурак (авар.)

– Я даже чувствовал, как мы в воздухе. Мы подпрыгнули, что ли? – недоумевал пожилой, вытирая платком холодную испарину.

Молодой человек в шароварах стыдил себя за испуг. «Учитель не одобрил бы это, – думал он про себя, – он меня наставлял покорять свой страх упражнением. Упражнением... Как же там начиналось? Какие там были слова?»

Женщина в платье рылась в сумке в поисках валидола:

– Вот хайваны! Ездят как сумасшедшие. Сейчас найду эту, как ее, эти капли, в воду себе накапаю. Чуть сердце мне не разорвали! Клянусь!

Ехали долго в молчании. Спуск никак не начинался и даже наоборот. Дорога нескончаемо шла кверху.

– Когда конец перевала? – спросил встревоженно тот, что с папкой.

– Вот, мы уже должны были пройти его. Что-то дорога по-другому идет. Выше идет. Я здесь каждый день езжу, такого еще не бывало. Мы должны были уже в сторону этого ехать... – водитель неожиданно понял, что не может вспомнить, куда он едет, – ну, этого... уже к водохранилищу...

Он замялся и смолк. Человек в тубетейке на всякий случай шептал про себя молитвы. Рыжий затих, снял красную кепку и печально глядел в окно.

– Погода портится, что ли?

– Там внизу дождь идет, а мы над тучей сейчас, – со знанием дела ответил ему пожилой. В голове у него шумело, мысли путались. Он почему-то никак не мог понять, зачем он сидит в этой маршрутке. В глазах подпрыгивали кубики от нардов, пульсировали точки.

– Мама, а мы участок посмотрели? – неожиданно спросила дочка краснощекой.

– Какой участок?

– Мы, кажется, участок ездили смотреть около Махачкалы.

Мать смолчала, потирая лоб костяшками пальцев. «Газели» больше никто не попадался, дорога была сера и пуста и вела их широкими петлями выше и выше. Бородач уронил голову на грудь и, видно, заснул.

– Сколько можно уже, – буркнул водитель, – когда этот подъем закончится? Что-то не то...

– Может, развилка была, не туда свернул? – поинтересовался пожилой.

– Да не было развилки, – чуть ли не заныл водитель. – Тот поворот же есть, где грузовик был, вот оттуда уже спуск начинался. Что за халам-балам! И радио не ловит...

Они продолжали подниматься. Съеденная туманом круча оказывалась то справа, то слева. В салоне маршрутки потемнело. Старуха глядела, как лица сидящих теряются в окутывающей дороге зыби. Носы сливаются с щеками, глаза западают, губы растягиваются.

Человек в белой рубашке что-то с сопением искал в своей кожаной папке. «Здесь же была, справка, что я ходил... Ходил я к кому-то там, в городе. Ее нельзя терять!» Он закрыл папку, беспокойно озираясь кругом. Туман, сосны, мутная дорога, плавающий горизонт и более ничего.

– Давайте остановимся, – предложила женщина в очках, – надо узнать, почему подъем не заканчивается...

Водитель не слушал и продолжал жать на педали. Ему стало абсолютно все равно, куда он едет и далеко ли. Вершина все никак не приближалась, перевал не прекращался, а черты его пассажиров расползались до неузнаваемости...

В это время на оставшемся позади повороте – там, где взвизгнул тормозами злополучный большегруз, – собиралось все больше народу. Проезжающие останавливались и предлагали помощь. Спасатели из добровольцев уже копошились внизу, на тяжелой скалистой выемке, за которую зацепилась падающая «газель». Ждали полицию.

– Сколько погибших? – спрашивал некто, озабоченно вглядываясь в пропасть.

– Все, – отозвались снизу. – Тринадцать человек, как обычно в маршрутках.

<https://snob.ru/selected/entry/44215/>

<https://youtu.be/Qz1QsHW73l0?si=EABWzo5-zSn6IKzU>